

Вопросы философии и психологии

Книга 123.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 123. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 267 с.

ISBN 978-5-458-04771-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04771-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ученіе Гегеля о реальности и всеобщности мысли.

1. Реальность мысли.

Современная философская мысль, работая надъ пониманіемъ и усвоеніемъ великихъ системъ нѣмецкаго идеализма, встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ глубокихъ и серьезныхъ затрудненій, которыя ей необходимо преодолѣть. Эти затрудненія объясняются не только сложной логической структурой самихъ ученій, но и чрезвычайнымъ своеобразиемъ того внутренняго философскаго опыта, въ научно-теоретическомъ истолкованіи котораго эти ученія выросли и сложились. Для философіи Гегеля это имѣетъ особенное значеніе. Вся система его посвящена теоретическому изложенію того, что предстало ему въ его внутреннемъ мыслительномъ опытѣ, того, что познавательно открылось ему, въ видѣ самой абсолютной истины. Внутренній опытъ, открывшій ему истину, былъ опытъ *мысли*; поэтому предметъ, представшій ему, долженъ былъ имѣть неизбѣжно форму логическую, форму смысла, понятія. Однако мышленіе, осуществлявшееся имъ, было настолько насыщено работою воображенія, что чистая безобразность логическаго понятія, уступила свое мѣсто своеобразному конгломерату изъ смысла и образа; это былъ образный смыслъ, или понятіе неизмѣнно облеченное во образъ. Естественно, что философія его, слагаясь, подобно ученію Платона, въ элементъ „образнаго понятія“, должна была неминуемо уклониться отъ путей и традицій формальной логики: предметъ мысли

долженъ былъ утратить чисто логическій характеръ и включить въ себя элементы эстетико-онтологическіе. Этотъ своеобразный и глубоко поучительный процессъ *де-раціоналізації* понятія усиливался и осложнялся тѣмъ категорическимъ отождествленіемъ *процесса мышленія съ мыслимымъ содержаніемъ*, на которомъ Гегель настаивалъ сознательно и принципиально. Въ результатѣ этого отождествленія образное понятіе само превращалось въ процессъ мышленія, но не въ человѣчески-субъективный, а въ объективный процессъ, свободный отъ эмпирической ограниченности и не прикованный къ чувственно-конечному содержанію. Человѣческая душа, чтобы пріобщиться философскому познанію, должна, по ученію Гегеля, сдѣлать нѣкоторыя внутреннія усилія, насыщающія мысль работою воображенія, заставляющія угаснуть дурную субъективность души, и отдающія силу мысли самозабвенной жизни въ объективномъ содержаніи. Тогда душа вступаетъ въ сферу „спекулятивной мысли“, передъ ней открывается новый порядокъ вещей, въ созерцаніи котораго она теряетъ *себя*, какъ таковую, и за то обрѣтаетъ новую жизнь, органически поглощенную силою высшей Сущности. Эта высшая Сущность есть сама *Божественная Субстанція*, разумная спекулятивной разумностью, *реальная* абсолютной реальностью и творчески пронизывающая всякое бытіе, въ качествѣ единой и *всеобщей* силы.

Со вступленіемъ въ область спекулятивнаго мышленія открывается новый строй жизни и новый порядокъ отношений. Душа познаетъ возможность восходить къ „объективной жизни, не покидая, повидимому, своихъ предѣловъ, и во всякомъ случаѣ, не отдаваясь на волю все раздробляющаго и распыляющаго чувственнаго созерцанія. Въ предѣлахъ самой души обнаруживается новая, полная необычайной *содержательности и значительности* сфера, позволяющая душѣ скинуть путы личной ограниченности и дурной субъективности и отдать себя подлинной жизни объективнаго, предмета, смысла. Въ этой сферѣ душа наполняется ощу-

щеніемъ Иисуса, говорившаго: „азъ не могу о себѣ творити ничесоже“; она уже не она, хотя и убѣждается потомъ, что не погибла въ предметъ, но обогатилась имъ; „возненавидѣвъ“ себя, какъ таковую, въ самоотреченіи, она открываетъ себѣ возможность жить духомъ. Спекулятивная мысль даетъ душѣ *счастье самоотреченія*, сохраняя ей лучшее изъ того, отъ чего она отреллась и уводя ее черезъ сохраненное къ совершеннѣйшему.

Въ этомъ обнаруживается не только то жизненно-творческое значеніе гегелианства, которое присуще всякому истинному и благородному философствованію, но и самый глубокой корень ученія Гегеля объ идеальности и реальности мысли. Конечно, опредѣленіе „мысли“, какъ „идеальнаго“ начала, звучитъ въ его устахъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ устахъ современнаго логическаго изслѣдователя, настаивающаго на чистой мыслимости „смысла“, на его совершенной (какъ эмпирической, такъ и метафизической) нереальности и на необходимости установить особую, „чисто логическую“ категорію „смыслового обстоянія“. Гегель начинаетъ и кончаетъ категорическимъ отрицаніемъ всего теченія, приведшаго въ наши дни къ этимъ „мертвымъ“ и „разсудочнымъ“, съ его точки зрѣнія, различіямъ. Терминами идеальности и реальности онъ пользуется приблизительно въ томъ значеніи, которое досталось ему по наслѣдству отъ родоначальниковъ новой философіи и лишь затѣмъ, въ предѣлахъ діалектики, т.-е. уже вполне эзотерически, онъ придаетъ термину „ideell“ специфическій смыслъ.

Спекулятивная мысль „идеальна“ въ *самомъ общемъ* значеніи постольку, поскольку она принадлежитъ къ *душевному*, внутреннему міру, поскольку элементомъ ея является не внѣшнее чувственно-эмпирическое бытіе, но среда душевно-сознательная. Съ этой точки зрѣнія, тяготящей къ примату „внутренняго вообще“ передъ „внѣшнимъ вообще“, — къ „идеальному“ относится все „субъективно-душевное“ ¹⁾, какъ

1) Срв. Log. I. 172. Enc. III. 149.

такое: и представлѣніе ¹⁾, и ощущеніе, и чувство, и память ²⁾, и мысль. И если „идеально“ *все* душевное, то „идеальнымъ“ окажется и формально-разсудочное мышленіе. Однако уже въ такомъ наивномъ пониманіи „идеальности“ кроется возможность признанія непосредственно-данной душевной среды за нѣчто первоначальное, преимущественное передъ внѣшними вещами, обладающее „большею“ и „лучшею“ реальностью по сраженію съ ними. „Идеальное“ (внутреннее) оказывается болѣе реальнымъ, чѣмъ „реальное“ (внѣшнее); философствующая мысль совершаетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ перестановокъ онтологическаго центра тяжести и терминъ „идеальный“ (*только въ души* наличный и потому „не существующій во внѣшней дѣйствительности), произносившійся наивными реалистами съ отфѣнкомъ порицанія, падаетъ обратно на ихъ голову въ видѣ осужденія. Возникаетъ двѣ „идеальности“ и двѣ „реальности“. Міръ внутренній, „идеальный“—реаленъ; міръ внѣшній, „реальный“—идеаленъ. *Это* означаетъ, что внѣшнія вещи, принимаемая наивными реалистами за *подлинную* реальность—лишены ея; онѣ суть только „субъективныя явленія“; онѣ „только идеальны“. Тогда какъ внутреннія, непосредственно-данныя состоянія души, не „только идеальны“, но *несомнѣнно* реальны. Еще задолго до Канта, въ философіи англійскаго эмпиризма, началось это постепенное заподозрѣваніе подлинной реальности „внѣшнихъ“ вещей и обнаружилось стремленіе сосредоточиться и укрѣпиться въ непосредственныхъ данныхъ внутренняго опыта. Въ этомъ общемъ тяготѣннй новой философіи—дерзновенная интуиція Декарта, признающая *тождество* (отнюдь не силлогистическое выведеніе) бытія и мышленія ³⁾, исповѣданіе исключительной реальности духовнаго начала со стороны Бѣркли, героиче-

¹⁾ Ср. W. Beh. 405. Enc. III. 149.

²⁾ Ср. Log. I 172. Enc. III. 149.

³⁾ Ср. объ этомъ у Гегеля Enc. I 132. 133, гдѣ приведены и ссылки на разъясненія самого Декарта; эти ссылки Гегель заимствовалъ изъ диссертациі Гото.

скій спиритуализмъ монадологіи Лейбница, Коперниканское дѣяніе Канта и метафизическій субъективизмъ Фихте Старшаго образуютъ послѣдовательно тѣ этапы, которые ведутъ черезъ всю новую философію къ Гегелю. Мысль приучалась искать подлинную, безусловную реальность именно въ томъ, что испытывается, какъ внутреннее. *Идеальное есть средоточіе абсолютной реальности.* Однако параллельно этому, подъ вліяніемъ ученій англійскаго скептицизма, воспринятымъ еще Лейбницемъ и затѣмъ позднѣе Кантомъ, въ предѣлахъ самой души, этой обширной сферы „идеальнаго вообще“ появляется и постепенно вырастаетъ провинція чувственно-скомпрометтированныхъ душевныхъ состояній. Въ поискахъ за абсолютной реальностью, проникнутая увѣренностью въ ея душевно-духовной природѣ, философія постепенно отдаетъ периферію души, отрекаясь отъ нея, какъ отъ чувственно-конечной, смутной, пассивно-воспринятой и т. д., и сосредоточиваетъ свое вниманіе на отысканіи „чистыхъ“ и „свободныхъ“ элементовъ духа. Кантъ останавливается на чистомъ созерцаніи, чистомъ мышленіи, категоріяхъ; Фихте перваго періода—на досознательномъ самополаганіи, абсолютныхъ *актахъ* Субъекта. Гегеля не удовлетворяетъ ни то, ни другое. вмѣстѣ съ Кантомъ онъ вѣритъ въ силу мысли и въ то же время не раздѣляетъ опасливаго отношенія Фихте къ обусловливающему значенію рефлексіи. Поэтому онъ видитъ искомую сферу абсолютной реальности—въ мышленіи; именно *мысль* есть то средоточіе *идеальности*, которое гарантируетъ абсолютную достовѣрность и подлинность, абсолютную *реальность*. Въ то же время вмѣстѣ съ Фихте онъ признаетъ это *идеальное* начало творчески самополагающимся, интеллектуально-интуитивнымъ, и не раздѣляетъ осторожнаго ученія Канта о дискурсивномъ и *только* дискурсивномъ разсудкѣ, свойственномъ чловѣку. Поэтому у Гегеля *мысль*, эта первенствующая *идеальная* или духовная основа есть интеллектуально-интуитивное, само себя творящее, метафизически реальное начало. На-

конецъ, въ противовѣсь и Канту, и Фихте — это первоначало есть уже не субъективно-человѣческое, а субъективно-объективное, Божественное.

Итакъ, если понимать „идеальность“ — какъ „внутренность“ въ противоположность „внѣшности“; какъ „душевность-духовность“ въ противовѣсь „матеріальности-природности“; наконецъ, какъ „чистую мыслимость“ въ отличіе отъ „чувственной восприятости“ — то спекулятивная мысль *идеальна*. Но если понимать „идеальность“, какъ „нереальность“, какъ формально-субъективную „критическую“ (въ смыслѣ Канта), разсудочную мыслимость, какъ релятивистическую ограниченность эмпирическаго или формальнаго мышленія¹⁾ — то спекулятивная мысль не „идеальна“, но „идеально-реальна“. Понятно, что признаніе мысли за реальность обычно облегчалось въ исторіи философіи сляніемъ мышленія со смысломъ, какъ это было и у Гегеля. Онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что абстрактное-формальное, разсудочное понятіе — оторвано отъ реальности, противостоитъ ей и потому приковано къ ней, какъ загнипнотизированное, не сливаясь съ ней и пребывая въ своей отвлеченной пустотѣ. Поэтому *реальна не разсудочная идеальность, но спекулятивная*. Въ результатѣ положеніе дѣлъ было таково: чувственная реальность не идеальна, т.-е. не причастна мысли, а потому она и не реальна высшей спекулятивной реальностью разсудочная идеальность не реальна, т.-е. не причастна бытію, а потому она и не идеальна высшей спекулятивной идеальностью. Иными словами: конкретное-эмпирическое, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, — реально дурной реальностью и совсѣмъ не идеально въ спекулятивномъ отношеніи; абстрактное-формальное идеально дурной идеальностью и совсѣмъ не реально ни въ какомъ отношеніи. Необходимо третье, новое,

¹⁾ Ср. всѣ полемическія и осуждающія замѣчанія Гегеля противъ того что „bloss ideell“, „formelle Idealität“ и т. д.; напр. Diff. 212. 213. 230. 237. 254. 254. 255. 267. Glaub. 14. 135—136. W. Beh. 328. 336. 345. 368. 408. 416. Enc. II. 222 и др.

спекулятивное: *идеальное*, въ смыслѣ „субъективности“ и мыслимости, и потому — „всеобщее“ и „абстрактное“; и въ то же время *реальное* въ смыслѣ объективности и созерцаемости, и потому — „единичное“ и „конкретное“. Спекулятивная мысль сохраняетъ все то, что приковываетъ эмпириковъ къ чувственному міру, а формальныхъ мыслителей — къ міру абстракціи. Но сохраняетъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ состояніи взаимной сліянности и взаимной исправленности. *Реальность* — объективна и созерцаема; но уже не чувственна, не временна; причастна мысли, *сама есть мысль*. *Идеальность* — субъективна (душевно-духовна) и несетъ въ себѣ дары мышленія: *сверхчувственность, опредѣлимость, всеобщность и устойчивость*; но она уже не оторвана, не безсодержательна, не мертва, не ирреальна; она *сама есть бытіе*. Съ обычной точки зрѣнія дѣло обстоитъ такъ, что Гегель выдаетъ *логически-предметное мышленіе* — за *метафизическую реальность*; съ точки зрѣнія спекулятивной философіи дѣло должно быть формулировано такъ, что Гегелю открылась *сущность абсолютной реальности*, какъ находящая себѣ адекватный элементъ *въ логически-предметномъ* (самозабвенно-смысловомъ) мышленіи.

Для вѣрнаго пониманія тезиса о „реальности мысли“ необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду, *какая „реальность“ и какая „мысль“* въ немъ отождествляются. Эта мысль — отнюдь не абстрактная-разсудочная мысль, но спекулятивное сращеніе мышленія и смысла: само себя сознающее понятіе. Эта реальность — отнюдь не эмпирическая-временная реальность, но сверхвременная, метафизическая, абсолютная. Въ чемъ же, однако, ея сущность?

Когда Гегель говоритъ о „бытіи“ или о „реальности“, то онъ разумѣетъ обыкновенно безъ дальнѣйшихъ оговорокъ и поясненій *метафизическое бытіе* или *абсолютную реальность*. Естественно, что люди другой эпохи и другого познавательнаго склада трудно привыкають къ такому онтологическому максимализму, и это обстоятельство не замедлило обнаружиться съ необычайной быстротой въ критическихъ

выпадахъ первыхъ противниковъ гегеліанства. А между тѣмъ философія Гегеля возникла въ атмосферѣ, не считавшейся, или почти не считавшейся, съ инымъ, относительнымъ, эмпирическимъ видомъ реальности. Гегель самъ проникнуть глубокой увѣренностью, что философствовать стоитъ лишь о томъ, что *абсолютно есть* или во всякомъ случаѣ *причастно* абсолютной реальности. Акциденція, совершенно оторванная отъ *субстанции*, не можетъ быть предметомъ научнаго знанія. Бытіе есть существенное, *субстанціальное бытіе* въ полномъ значеніи этого слова. Нѣчто, лишенное *субстанціальнаго* бытія, лишено бытія вообще; оно просто и совсѣмъ не реально,—недоразумѣніе, фантомъ, иллюзія. Это значеніе абсолютности, субстанціальности настолько сращено у Гегеля съ идеей реальности, что подразумѣвается имъ повсюду, какъ нѣчто само собой понятное. Если не имѣть въ виду этого сращенія, то многое въ его ученіи окажется совершенно непонятнымъ. Причастность субстанціальному бытію есть необходимый минимумъ, внѣ котораго философіи не о чемъ говорить и нечѣмъ интересоваться.

Самая категоричность и послѣдовательность такой постановки вопроса могла бы указать тотъ путь, который ведетъ къ философскимъ предшественникамъ и духовнымъ учителямъ Гегеля. Еще *Аристотель* указывалъ на то, что проблема бытія есть проблема субстанціальности ¹⁾ и что сущность субстанции лежитъ въ ея своеобразной центростремительной самостоятельности ²⁾. Это представленіе о субстанции, какъ о чемъ-то, что есть „*per se*“ и „*in se*“, неоднократно развивалось схоластиками и было воспринято затѣмъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вдохновителей Гегеля — Спинозой. „Подъ субстанціей, — пишетъ онъ, — я разумѣю то, что есть въ себѣ и понимается черезъ себя“ ³⁾.

¹⁾ Ср. *Metaphysica* VII. I. 1028b.

²⁾ Ср. напр. *Met.* V. 8. 1017b; VII. I. 1028a; VII. 3. 1029a и др.

³⁾ *Spinoza. Opera. Ed. Paulus. 1802. Vol I. Ethica. pag. 35.*

Субстанція самодовлѣюща и едина ¹⁾); она опредѣляется только сама черезъ себя ²⁾), не терпять воздѣйствій извнѣ, и, въ своей единственности и самостоятельности, обращена всецѣло на себя. Эта метафизическая „самостоятельность въ одиночествѣ“ и предносится Гегелю, когда онъ говоритъ о субстанціальной реальности. Не касаясь еще полного и развернутаго пониманія субстанціи, можно сказать, что по учению Гегеля минимальный и самый бѣдный опредѣленіями фрагментъ „бытія“ уже причастенъ во внутренней природѣ своей основнымъ свойствамъ субстанціальности. Быть—значить быть центростремительно; значить быть обращеннымъ на „себя“, стоять въ простомъ ³⁾), непосредственномъ ⁴⁾), абстрактномъ ⁵⁾) отношеніи къ самому себѣ. Эта своеобразная „эгоцентрическая“ концепція бытія, конечно, отнюдь не должна пониматься или толковаться этически; точно также не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, что реальный міръ состоитъ по Гегелю изъ замкнуто-самодѣятельныхъ, единичныхъ, хотя и сочетающихся въ различныя цѣлыя, но по существу одинокихъ, монадъ, какъ это было у Лейбница. Нѣтъ; какъ выяснится далѣе, „бытіе“ есть единая, „всеобщая“ стихія, неустанно плещущая въ себѣ въ обращенности на себя. Стихія эта всюду одна и та же, — она субстанціальна, т.-е. самостоятельна, самодовлѣюща, не имѣетъ противостоящаго ей метафизическаго инобытія и посему обращена исключительно на себя самоѣ. Поэтому все то, что причастно ей, что причастно бытію—оказывается постольку имѣющимъ въ себѣ субстанціальное начало, слѣдовательно *устойчивымъ* и притомъ именно въ результатѣ „простога и непосредственнаго отношенія къ себѣ“. Это „отношеніе къ себѣ“ ⁶⁾), при устойчивости, естественно

1) Ibid. Prop. V. pag. 37; prop. VIII. Schol. II. pag. 40 etc.

2) Ibid. Prop. VI. Corollar. pag. 38; ср. Prop. XVII, pag. 51 etc.

3) Log. III. 352. Enc. I. 362. Beweise. 314.

4) Log. I. 150. Enc. I. 113.

5) Log. III. 332. 333.

6) Ср. напр. Log. II. 185.

получаетъ характеръ „равенства себѣ“: сущность *устойчивости* состоитъ именно въ томъ, что нѣчто при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ остается тѣмъ же самымъ, „устаиваетъ“, сохраняется, остается само себѣ равнымъ: „ибо неравенство его съ собою было бы его разложениемъ“¹⁾. Вотъ почему сущность бытія можетъ быть выражена въ одномъ словѣ: „Sichselbstgleichheit“, равенство самому себѣ²⁾.

Съ этой точки зрѣнія не трудно понять, какъ происходитъ сближеніе и отождествленіе между мыслью и реальностью. Вѣдь „устойчивость“ и „равенство самому себѣ“ (собств. *тождественность*) представляютъ именно тѣ черты смысла, которыя извѣстны и формально-логическому мыслителю. Именно эти черты искони заставляли философовъ и ученыхъ сосредоточиваться на „понятіи“, какъ на чемъ-то, сулящемъ строгое внутреннее постоянство и непоколебимый внѣшній строй. Но въ такомъ случаѣ сущность субстанціального бытія состоитъ въ томъ же, въ чемъ и сущность понятія вообще.

Однако для Гегеля это существенное совпаденіе идетъ гораздо дальше и глубже. Дѣло въ томъ, что въ его пониманіи „мышленіе“ есть сущность не статическаго, но динамическаго характера и притомъ не внѣшней механической динамики, но внутренней, самочинной. Принимая открыто и съ высокою хвалою основныя опредѣленія субстанціи, установленныя Спинозой³⁾, Гегель не устаетъ въ то же время указывать на неудовлетворяющую его абстрактность, неподвижность и статическую мертвенность его концепцій⁴⁾. Германскій духъ въ лицѣ Лейбница и Фихте Старшаго внесъ уже въ идею субстанціи признакъ абсолютнаго и неизсякаемаго творчества, берушаго источникъ исключительно въ нѣдрахъ самой субстанціи, и Гегель усматриваетъ въ этомъ глубо-

¹⁾ Ср. Phän. 43.

²⁾ Ср. особенно основополагающія формулы Phän. 42. 43.

³⁾ Ср. Log. II, 194, 195, 229, 230, и др.

⁴⁾ Ср. напр. Log. I, 178, 396, 406. Log. II, 194—197. Log. III. 47. Enc. I,